

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-712X-2015-6-75-79

Петришина Е.Ю.*Московский государственный областной университет*

РОЛЬ ГЛЮТТОНИЧЕСКИ-ОРИЕНТИРОВАННЫХ СРАВНЕНИЙ В РАСКРЫТИИ ГЛУБИННОГО СМЫСЛА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЖ. ХАРРИС «ПЯТЬ ЧЕТВЕРТИНОК АПЕЛЬСИНА»)

Аннотация. В статье рассматриваются способы повышения информативности декодирования словесной ткани художественного произведения за счёт применения возможностей интертекстуального и дискурсного анализов, что значительно обогащает выявляемый глубинный смысл. Автор обосновывает необходимость привлечения экстралингвистической информации на разных этапах исследования, что способствует активации тезауруса инокультурного реципиента. В результате делается вывод, о том, что текстовые единицы приобретают в дискурсном языке культуры дополнительную семантику с особыми коннотативными, образными, оценочными и ассоциативными характеристиками.

Ключевые слова: глуттонический дискурс, концепт, антропонимы, авторская оценка, глубинный смысл.

E. Petrishina*Moscow Region State University*

THE ROLE OF GLUTTONY-ORIENTED COMPARISONS IN DECODING THE UNDERLYING SENSE OF A LITERARY TEXT (ON THE EXAMPLE OF J. HARRIS NOVEL “FIVE QUARTERS OF AN ORANGE”)

Abstract. The subject of the article are different ways of increasing informative value of text interpretation by using methods of intertextual and discourse analyses, which significantly enriches the underlying conceptual information of the text. The author shows that only through involving extralinguistic data at different stages of analysis, a reader with different cultural background can fully activate his personal thesaurus and understand the text deeper. The conclusion is that textual units can get additional semantics with special connotative, imaginative, evaluational, associative characteristics while being analyzed through discursive cultural angle.

Key words: gluttony discourse, concept, anthroponomy, author's evaluation, underlying conceptual information of the text.

Общеизвестно, что язык глубоко метафоричен. Ещё в древности учёные-мыслители замечали, что фигуры речи создают яркие и понятные образы, выделяющие существенные и иногда неприметные на первый взгляд черты. Основными функциями подобной изобразительности являются: 1) передача авторского эстетического задания, художественная мотивированность и прагматическая

© Петришина Е.Ю., 2015.

направленность речевого акта; 2) эмоциональное воздействие на читателя; 3) формирование определённой шкалы ценностей и норм.

Цель данной статьи заключается в определении механизмов авторского манипулирования (в терминологии Е.В. Сидорова – «регулятивности») восприятием реципиента посредством поэтического образа. Материалом работы послужил роман современной писательницы Джоанн Харрис «Пять четвертинок апельсина». **Объектом изучения** выступают индивидуально-авторские метафорические сравнения, формируемые на базе концептуально-значимого в рамках данного романа глуттонического дискурса. **Алгоритм работы** включает несколько этапов: 1) изучение теоретического материала и терминологической базы исследования; 2) отбор и анализ примеров из текста; 3) выявление их функциональной нагрузки.

Согласно Словарю лингвистических терминов, **образное сравнение** – это художественное средство выразительности, особая фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому по степени сходства и смежности [1, с. 450]. Основными качествами изучаемого феномена непременно должны выступать новизна, оригинальность, яркая иллюстративность и естественность. Однако именно естественность иногда вызывает много вопросов, если адресаты сообщения принадлежат иному лингвокультурному сообществу.

В романе Дж. Харрис «Пять четвертинок апельсина» источником художественного сравнения становятся ресурсы глуттонического дискурса. Представляется, что подобное реше-

ние весьма актуально, ввиду того что каждый человек на собственном опыте знает вкус различных блюд, имеет представление о неких пищевых изысках и может сформировать некие ожидания и ассоциации с подобного рода явлениями. Используя обычные и в то же время оригинальные глуттонически-ориентированные сравнения, автор ярко передаёт образы романа и чувства героев, создаёт уникальный художественный мир, полный реалистичных вкусов и запахов. С помощью глуттонически-ориентированных сравнений автору удаётся передать своё мироощущение читателю и сформировать в нём особые аксиологические приоритеты.

Следует упомянуть сюжетную канву романа, в котором формируются две аксиологические линии: с одной стороны – престарелой дамы, пережившей войну, смерть близких, предательство друзей и потом и кровью выстрадавшей своё женское счастье, с другой – маленькой девочки, живущей счастьем сиюминутным – счастьем свободы от зоркого материнского глаза, счастьем сытного обеда во времена разрухи и голода, счастьем первых нежных отношений, счастьем охотника, поймавшего долгожданную добычу.

Согласно принятому алгоритму работы, следующим этапом является лексико-стилистический анализ метафорических сравнений, выявленных в ходе прочтения романа.

Так, описывая себя в молодости, Фрамбуаз проводит аналогию с фруктом: *I found only a hard place inside myself, like a stone in a fruit* [2, p. 57]. Для инокультурного реципиента не составит особого труда представить некий плод с косточкой внутри. При этом русская

ЛЕ *косточка* звучит гораздо мягче за счёт морфологического вклинивания уменьшительно-ласкательного суффикса *очк*, чем английская ЛЕ *stone*, которая переводится как *камень*. Однако в некоторых словарях вторым, производным значением данной ЛЕ является именно *косточка в некоторых видах фруктов* [3]. Подобное разночтение и является ярким примером различий языковых картин мира указанных лингвокультурных сообществ. Страдает ли формирование образа подростка в воображении читателя при этом? Безусловно, страдает. Но функциональная нагрузка такого разночтения минимальна. Оба языка трактуют этот элемент плода как нечто твёрдое, жёсткое, трудно расчленимое и тем ценное. Можно предположить, что главная героиня обладает твёрдым характером, трудно поддающимся влиянию извне, нестигаемой волей и крепким стержнем. Дети военных лет были много лишены и только благодаря вышеуказанным качествам могли преодолеть жизненные трудности. Примечательно, что это сравнение не единично, но иррадирует по текстовому пространству: *There was a cold hard place where my love for her should have been, a hard dry place like the stone in a fruit*» [2, p. 193]. Развёртывание этого художественного образа происходит за счёт грамматической составляющей – определённый артикль отсылает нас к анализу предыдущего примера.

Рассмотрим ещё одну выдержку: *She was rock salt and river mud, her rages as quick and furious and inevitable as summer lightning*» [2, p. 137]. Приведённая цитата посвящена описанию характера – теперь уже матери главной героини, на которую, как впоследствии выясняется, она была похожа как две

капли воды. Выделенная ЛЕ вводит имплицитное сравнение – метафору, поскольку отсутствует важный компонент – связка *like / as if*. Более того, отсутствует основание приведённого сравнения, и формирование образа полностью зависит от читательского опыта. Те, кто пробовал каменную соль на вкус, знают, что она скорее горькая, нежели солёная. Таким образом, авторская выразительность формирует концептуальное пространство данного отрывка и даёт понять, что жизнь военных лет выхолостила в душе матери любые проявления нежности – она либо злилась, либо не выказывала особого интереса к собственным детям, но в обиду их никому не давала. Строгое, спартанское воспитание формировало в них некое защитное свойство, ту самую *косточку*, о которой шла речь в предыдущем абзаце. Соположение сравнений с каменной солью и речной грязью – трудновыводимой и несмываемой – делает указанные ЛЕ контекстуальными синонимами и порождают дополнительные ассоциации. Представляется, что таким образом осуществляется ещё одна функциональная нагрузка этих сравнений: очерчивается круг лиц – потенциальных адресатов этой книги. Тем, кто не знает вкуса грязи, не бегал босым по речным берегам и не отмывал вёвщуюся черноту, не понять данного образа. Такого же эффекта восприятия могут приобрести сравнения приступов гнева с сезонными молниями. Основания сравнения в этот раз автор фиксирует (*быстрые, мощные*), и кульминационным элементом этой многосоюзной градации выступает ЛЕ *неизбежные* (*как летние грозы*).

Не только отрицательные черты,

формируемые в людях второй мировой войной, вызывают интерес автора. Уделяется достаточно внимания радости и счастью, причём причиной этого счастья часто выступало нечто неприметное, только лишённому этого человеку доступное: *I kept my face stony, while my heart flipped over like a dying fish* [2, p. 189]. Образность анализируемого сравнения достигается благодаря противопоставлению метонимических переносов части и целого (такому стилистическому приёму, как синекдоха) – *face* и *heart*, а также их разнонаправленных эпитетов – *stony* (деперсонифицирующий) и *flipped* (одушеворяющий). Однако радость сердца уподобляется бьющейся в предсмертных судорогах рыбе, что подчёркивает интенсивность действия и создаёт эмоциональный накал.

Аналогичного эффекта достигает автор, насыщая текст развёрнутыми сравнениями в близком контексте: *Worse, I didn't know why he was doing it, and my rage grew until it was like a cider press squeezing my old head like an apple about ripe and ready to burst* [2, p. 196]. Сначала гнев уподобляется соковыжималке, где аллитерированное [s] косвенной звукописью создаёт ассоциацию с льющимся соком, а потом голова уподобляется яблоку, готовому упасть с ветки и взорваться фонтаном брызг. Ритмический рисунок цитаты, созданной моносиллабическими компонентами, ускоряет темп и передаёт агрессию за счёт аллитерации звука [r].

Ещё одной функциональной составляющей образных сравнений в изучаемом романе выступает деятельность главной героини – она искусный повар, хранительница забытых рецептов, владелица кафе для гурманов: *It*

made me feel soft inside, like warm caramel [2, p. 373]. Тёплая карамель – тягучая, ароматная, липкая – создаёт образ, рассчитанный скорее на женскую аудиторию. Это вкус и запах детства, не отягощённого испытаниями взрослой жизни, к тому же передающие состояние влюблённой женщины.

Отдельной группой представлены глуттонически-ориентированные сравнения, функция которых – описание внешности героев: цвета их лица (*as white as curd*), полноты и яркости губ (*like cherries*), причёски (*rolled into a fat sausage*), цвета и выражения глаз (*chocolate-eyed, as sloes*), а также передача целостного образа (*Soft and sweet as dark honey, with amber eyes and autumn hair, she was every storybook heroine, every screen goddess I had ever imagined and admired*) [2, p. 73] и т.д.

Проведённый анализ глуттонически-ориентированных сравнений показал, что для описания внешности в 100 % случаев используются глуттонимы с положительной коннотацией.

В третью группу выделены глуттонически-ориентированные сравнения абстрактных явлений и бытовых ситуаций, где автор сравнивает далёкие от смежности или сходства категории – восторг и блин, ясность и жевательную резинку, ужас и яблоко. Функцию связующей линии в некоторых случаях выполняют эпитеты, например – *terrible* и *dreadful*. Особенности мировосприятия героини создают общую атмосферу вкусового праздника жизни, формируют яркое послевкусие:

– “*I was unable to identify it. A bright comet's tail of sensation, prickling at my armpits and flipping my stomach like a pancake*” [2, p. 52];

– “*The truth stretched between us*

like a string of chewing gum" [2, p. 200];

– “*The act, the terrible act we had committed-still hung in front of us like a dreadful fruit*” [2, p. 389];

– “*She smelt unfamiliar too, a kind of sweetish powdery smell like marshmallow and violets, and she was wearing the red lipstick*” [2, p. 123];

– “*Her voice was tart as an unripe gooseberry*” [2, p. 74];

– “*I could tell I perplexed him. His thumbs were digging so deeply into my arms that they would make great ripe blackberry marks on my skin the next day, but I did not show any sign of it*” [2, p. 127].

Целесообразно отметить, что большая часть приведённых сравнений не относится к общеязыковым, закреплённым в языке в результате частого употребления, но формирует особую индивидуально-авторскую языковую картину мира и способствует передаче реципиенту концептуально-значимой информации:

– “*I didn't set out to tell him everything, but once I had started the words began to spill out of me like grain from a burst sack*” [2, p.161];

– “*The truth stretched between us like a string of chewing gum*” [2, p. 200].

Использование в романе подобных сравнений придаёт создаваемым автором образам дополнительный «привкус», уникальность и неповторимость.

Интерпретационный анализ сравнений в романе Джоанн Харрис «Пять четвертинок апельсина», включающий элементы семантического, культурологического, стилистического и дискурсивного анализа, позволил выявить несколько функций глоттонически-ориентированных сравнений: 1) передача эмоционального состояния, особенностей характера (35 %), 2) описание внешности (26 %), 3) создание уникальной атмосферы повествования (26 %), 4) передача звуков, запахов, размера (13 %). Из приведённых статистических данных становится очевидным, что наиболее частотным для автора является использование глоттонически-ориентированных сравнений для передачи эмоционального состояния главных героев и описания их характера, поскольку, не поняв их в достаточной мере, читатель не способен понять глубинный смысл текста.

В заключение отметим, что глоттонически-ориентированные художественные сравнения в романе занимают центральное место.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Harris J. Five quarters of the Orange. Black Swan, 2002. 429 p.
3. Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Longman, 4th impression, 2000. 1568 p.